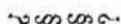

ДЕМОНОЛОГИЯ

ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

І. ЛѢШІЙ.

Надъ зайцами, лисицами, волками, медвѣдями, оленями, бѣлками и вообще надъ всѣми, большими и малыми, дикими животными и даже надъ птицами есть свой *набольшій*, или *хозяинъ*. Дикія животныя и птицы дѣлятся по урочищамъ; такъ что животное одного урочища не смѣетъ перебраться въ другое. Это дѣлается по распоряженію набольшаго, или *Лѣшаго*.

Лѣшій имѣетъ человѣческой видъ, только нѣтъ у него бровей и поздрей; тѣло его покрыто густыми волосами (мохнатый). Онъ кричитъ на разные голоса: и по ребячьи, и по бабьи, и по мужичьи, ржетъ и по лошадиному. Лѣшій, какъ всѣ *нежити* и *сретики* (т. е. колдуны) носитъ верхнюю одежду лѣвою полою на верхъ *). Онъ имѣетъ семейство, съ которымъ живетъ въ богатомъ дворцѣ, находящемся въ лѣсной трупобѣ; въ лѣсу онъ бываетъ роженъ съ лѣсомъ, въ травѣ съ травой паровиѣ. Занятія и свойства Лѣшаго слѣдующія: онъ пасетъ скотъ и лѣсныхъ звѣрей, сбиваетъ людей съ пути и зашкочиваетъ ихъ, воруетъ дѣтей и носится въ видѣ вихря; онъ боится креста, пояса и головни.

Родина нашихъ предковъ, языческихъ Славянъ, была покрыта первобытными, дѣвственными лѣсами, въ которыхъ водились многоразличныя породы лѣсныхъ животныхъ. Лѣса имѣютъ въ себѣ что то таинственное; въ нихъ всякое явленіе получаетъ какой-то особенный отпечатокъ; крикъ звѣрей и лю-

*) Замѣчательна распространенность и косность самыхъ мелочныхъ народныхъ обычаевъ и повѣрій: какъ здѣсь, такъ и въ Малороссіи народъ до сихъ поръ носитъ верхнюю одежду правою полою на верхъ, въ отлѣченіе отъ Лѣшахъ и колдуновъ! Въ Архангельской губерніи говорятъ, что если надѣвъ верхнее платье, застегнутое на правую сторону, то Лѣшій унесетъ.

дей, пѣніе птицъ, шорохъ деревь и листьевъ, завываніе вѣтра и бури; все это въ лѣсу получаетъ особенно странный и страшный характеръ. Первобытный человѣкъ, неавши въ лѣсъ, не могъ углубиться въ себя, сосредоточиться; всякій шорохъ листьевъ, крикъ животныхъ пугалъ его, заставлялъ вздрагивать и оглядываться.... Въ лѣсу фантазія дѣйствуетъ сильнее. нежел на открытоцъ мѣстѣ, и легче создаетъ разные фантастическіе образы... Видя и наблюдая различныя явленія, происходящія въ лѣсахъ, первобытный человѣкъ хотѣлъ объяснить ихъ, отыскать ихъ причину. Но не будучи въ состояніи, по своей неразвитости, найти реальную причину явленій, не будучи въ силахъ отыскать взаимной зависимости ихъ, онъ создаетъ себѣ невидимую силу, дѣйствіемъ которой и объясняетъ видимыя явленія, духа, которому, по мѣсту нахожденія, даетъ названіе *Лѣшаго, Лѣшака и Лѣсовика*.

Слово Лѣшій тождественно съ слогомъ лѣсной; именно въ этомъ смыслѣ оно употребляется въ древнихъ актахъ временъ новгородской республики; напримѣръ *лѣшя* избушки, *лѣшіе* промыслы, *лѣшіе лѣса* (въ которые не было вѣзда для рубки *).

До настоящаго времени народная фантазія поддерживаетъ образъ лѣсныхъ духовъ и дѣйствіемъ ихъ воли объясняетъ многія явленія, совершающіяся въ лѣсу. Періодическія движенія животныхъ и перелеты птицъ сильнее всего привлекаютъ на себя вниманіе простаго человѣка. Какъ же онъ можетъ естественнымъ образомъ объяснить себѣ эти явленія, когда сама наука до сихъ поръ не объяснила ихъ? По необходимости народъ долженъ былъ приписать передвиженія животныхъ, въ особенноти такъ называемаго *текучаго звѣря***) богу лѣсовъ—Лѣшему. Когда бываетъ такое передвиженіе, то народъ говоритъ что одинъ Лѣшій проигралъ другому въ карты своихъ животныхъ. Лѣшій, по народному вѣроанію, гонитъ звѣрей и птицъ на войну; онъ также пасетъ скотъ. Тѣ пастухи, которые знаютъ съ Лѣшимъ во все не пасутъ скота, самъ Лѣшій пасетъ. За это они даютъ ему дань: первое яйцо, полученное отъ помета во время христосованья (на первый день пасхи), или *одношрст-*

*) Арх. Губ. Вѣд. 1838 г. № 28.

**) *Текуцій звѣрь, теча*, или *припускъ*, тѣ породы животныхъ (бѣлки, песцы, полевые мыши), которія періодически являются въ иные года во множествѣ; это появленіе случается черезъ два три года и рѣже. Причиной передвиженій считаютъ недостатокъ кедровыхъ орѣховъ и еловыхъ шишекъ, которыми питаются эти животныя, но такое объясненіе не подтверждается наблюденіями. Арх. Губ. Вѣд. 1849 г. № 27.

ную (одной масти) скотину. Какимъ образомъ они отдаютъ ему эту дань, расказчики не могли мнѣ объяснить, а передали только то, что пастухи имѣютъ съ нимъ *переговоры*, и что они видятся съ нимъ. Въ Архангельской губерніи пастухи не дозволяютъ въ теченіи цѣлаго лѣта бить скота, даже хозяевамъ, потому что ежели *окроватить поскотину*, то звѣрь станетъ *накопиться*, по наущенію Лѣшаго. Это суевѣріе имѣетъ то вредное послѣдствіе, что жители сѣвѣнней губерній не могутъ достать себѣ мяса въ продолженіи всего лѣтняго времени, и принуждены питаться гнилою зловонною рыбою.

Великороссіане всѣхъ губерній представляютъ Лѣшаго существомъ злымъ; онъ, по ихъ понятіямъ, то садится въ сани къ проѣзжающимъ, въ видѣ женщины, при чемъ бѣдная лошадь отъ чрезмѣрной тяжести покрывается пѣною; то, въ видѣ путешественника, переходитъ имъ дорогу въ образѣ высокорослаго мужика, съ огромною дубиною въ рукахъ, гагайкаетъ въ дали, аукается и хлопаетъ въ ладоши. Обошедши крестьянина, онъ заводитъ его въ трущобу, начинаетъ щекотить, пока не защекаетъ до смерти. Они представляютъ его также въ видѣ вихря, будто бы онъ, въ это время, танцуетъ на своей свадьбѣ съ Лѣшачихой. ' тобы его увидѣть въ этомъ положеніи, надобно стать къ вихрю спиною, наклониться и смотрѣть на него между ногъ, или взять собаку, да у ней смотрѣть такимъ же образомъ *).

Предлагаемъ пять разказовъ о Лѣшемъ, записанныхъ нами въ г. Онегѣ; по нимъ можно познакомиться со всѣми характеристическими особенностями Лѣшихъ.

1.

Ходила я съ матерью въ лѣсъ. Вдругъ вижу: идетъ женщина съ *зобенкою* (корзинка), собираетъ ягоды *морозу* (морошка); на ней печатный сарафанъ, пестрядиновы нарукавники, платокъ на головѣ; ростомъ же она съ лѣсомъ въ ровень. Я мертво заревѣла, какъ увидѣла. Прибѣжала мать: что ты Богъ съ тобою. Жонка, Лѣшачиха ходитъ, говорю. Посмотрю, а ее уже не стало.

2.

Невѣстки моей Катерины мать ходила удить; вдругъ на горѣ слышитъ: у! Афімья, ходи сюда! все кричатъ онъ (т. е. Лѣшій): у! Афімья, ходи сюда!

*) Русскій Дневникъ. 1859 г. № 25.

Можетъ быть это былъ знакомый Аѳимья, замѣтилъ я.

Ужъ какой тамъ знакомый ночью, никого не могло быть, отвѣчала разскащица.

3.

Мужикъ Кузьминъ разсказывалъ мнѣ и божился: выхожу я каждый годъ въ лѣсъ на святки, и онъ (Лѣшій) выйдетъ и спрашиваетъ: что тебѣ надо? а Кузьминъ начинаетъ спрашивать: каковъ годъ? каковъ хлѣбъ? будетъ ли солдатчина? будетъ ли въ морѣ рыба? Лѣшій говоритъ—будетъ или нѣтъ; такъ до трехъ разъ. За третьимъ разомъ Лѣшій захохочетъ и сказавши: ахъ, дуракъ, все одно слово помнить (т. е. все спрашиваетъ объодномъ)!—уйдетъ въ лѣсъ.

4.

Ходилъ полѣсовщикъ *) по лѣсу, стрѣлялъ птицъ, и пришелъ въ избушку ночевать; избушку вытопилъ, поставилъ варить птицу, а самъ легъ на лавкѣ, отдыхаетъ. Вдругъ залаяла собачка на дворѣ, и видитъ пѣшается въ дери въ родѣ челоуѣка необнаковенной величнны; потомъ зашелъ въ избушку, держать младенца на рукахъ и повертываетъ его передъ очагомъ, хочетъ отогрѣть его. Младенецъ ревить въ рукахъ, наконецъ чихнулъ. Полѣсовщикъ говоритъ: съ нами Святъ Духъ, яко съ нами Богъ. Онъ (Лѣшій) бросилъ младенца, унесъ стойки и двѣрн, все выломилъ, вышибъ, да и убѣжалъ; а младенецъ у мужика остался. Лѣшій уворовалъ его у кого нибудь.

5.

Сталъ помярять пастухъ, и говоритъ другому: я тебѣ, братъ, оставляю наслѣдство; паси коровъ; мелвѣдь не съѣстъ ни одной, только слушай, что я тебѣ накажу; далъ ему *трубу* да *палочку*, и приказываетъ: вотъ до такого мѣста коровъ прогони, да и назадъ воротись, и не ходи больше въ лѣсъ; а какъ надобно коровъ домой гнать, въ то время пойди, потруби, прилутъ всѣ домой. Онъ такъ и дѣлалъ. Скотъ приходилъ самъ домой, какъ будто его кто собиралъ. Разъ пастухъ напился пьянъ, и ему захотѣлось полюбопытствовать, какъ они собираются изъ лѣсу

*) Полѣсовщики—охотники за дичью; они почуютъ въ лѣсныхъ избушкахъ, которыя строятся мужиками во время страды отъ комаровъ и отъ дождя.

домой; пошелъ въ лѣсъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ коровы ѣдятъ траву, потрубили. Смотрить: бѣжитъ жонка оборванная, ободранная, все платьишко на ней изорвано объ лѣсинѣ, и кричитъ на коровъ, гонить ихъ, съ прутомъ бѣгаетъ. Какъ только увидѣла пастуха, бросила вину: на, говорятъ, паси самъ, я колько годовъ пасла.... Эта была Лѣшачиха.

Для полноты характеристики языческаго бога лѣсовъ, считаемъ нужнымъ разсказать какія понятія о немъ имѣютъ жители Южной Россіи. Великороссійскому Лѣшему у Малороссіянъ соответствуетъ *Лисунъ*, иначе называемый *Полисунъ* и *Лисовыкомъ*. Лисунъ въ настоящее время считается богомъ однихъ волковъ, которыхъ онъ пасетъ и гоняетъ на войну; онъ похожъ на человѣка, но не бросаетъ отъ себя тѣни; ростъ его измѣняется, смотря по тому, высокъ ли лѣсъ, въ которомъ онъ обитаетъ: какой высоты лѣсъ, такой и лѣшій; у него въ рукахъ плеть. Лѣшій устанавливаетъ цѣны на товары,—по этому безъ него никогда не бываетъ ярмарки; на ярмаркѣ его можно узнать тѣмъ, что у него лѣвая пола верхней одежды наверху, тогда какъ всѣ носятъ правую полою на верхъ Жена Лѣшаго, *Лѣсунка*, воруетъ младенцевъ и держитъ ихъ при себѣ. Бывали случаи, что находили лѣсункиныхъ дѣтей въ лѣсу. Лѣшачиха отличается отъ обыкновенной женщины тѣмъ, что она имѣетъ такія большія груди, что должна перебрасывать ихъ черезъ плечи, чтобы не мѣшали ходить.

Если въ теперешнихъ малороссійскихъ разсказахъ Лисунъ выступаетъ божествомъ однихъ волковъ, то это объяснить не трудно.

Въ старину, когда въ малороссійскихъ лѣсахъ водились различные породы животныхъ, именно: лоси, серны, медвѣди, куницы и т. д., тогда Лисунъ считался покровителемъ всѣхъ этихъ животныхъ, по мѣрѣ же того, какъ породы лѣсныхъ звѣрей начали исчезать одна за другой, дѣятельность Лисуна ограничивалась покровительствомъ только существующимъ породамъ. Наконецъ, когда изъ большихъ животныхъ одни волки остались обитателями лѣсовъ, Полисунъ сдѣлался покровителемъ ихъ однихъ. Въ Бѣлороссіи, гдѣ существуетъ до сихъ поръ множество видовъ лѣсныхъ животныхъ, Полисунъ простираетъ свою власть на всѣхъ ихъ; а въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ вовсе нѣтъ лѣсовъ, тамъ Лисуна не знаютъ даже по имени *). На

*) Статьи о Полисуиѣ мои, гг. Тищинскаго и Исаенка. Черниг. Губ. Вѣд. 1859 и 1860 г.

Сѣверѣ Россіи, покрытомъ дремучими лѣсами, вѣрованіе въ Лѣшихъ столь распространено между всѣми сословіями, какъ сельскими, такъ и городскими, что многіе не знаютъ различія между ними и чертями вообще; даже въ ругательствахъ здѣшніе жители постоянно упоминаютъ имя Лѣшаго. Понятіе о лѣсномъ духѣ существуетъ во всѣхъ странахъ, гдѣ только есть лѣса; у Римлянъ были извѣстны фавны или сylvаны (отъ silva—лѣсъ), у Грековъ *сатиры*, у Нѣмцевъ *вальдтейфелы*, у Литовцевъ *Гиріетисъ* (giga—лѣсъ) и Р. гаца, у Финно въ *Tanio*, имѣющій жену Теллерво, дѣтей и слугъ, *Tanolaimeenъ* и *Taniotarъ* и т. д.

Мы привели выше рассказы о томъ, какъ одна женщина видѣла Лѣшачау, а другая слышала крикъ Лѣшаго. Какъ же объяснить эти видѣнія?

Посредниками между внѣшнимъ міромъ и нашимъ сознаніемъ служатъ органы чувствъ; они передаютъ впечатлѣнія внѣшней природы нашему мозгу чрезъ посредство нервовъ. Положимъ передъ нами находится какойнибудь предметъ. Въ нашемъ органѣ зрѣнія, какъ въ зеркалѣ, получается его изображеніе; это изображеніе раздражаетъ зрительный нервъ, при чемъ возбужденное состояніе распространяется потомъ на волокна мозга; соотвѣтственно тому въ нашемъ сознаніи рождается представленіе этого предмета. «Но такая передача возбужденнаго состоянія можетъ происходить и обратнымъ путемъ, т. е. отъ мозга къ органу чувствъ. Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія дѣятельность мозговыхъ волоконъ, обуславливающая представленіе опредѣленнаго предмета, можетъ быть до того жива, что распространяется на зрительный нервъ и какъ скоро это произойдетъ, человѣкъ теряетъ возможность отличить мысленныя изображенія отъ дѣйствительныхъ. Тогда происходитъ галлюцинація, или обманъ чувствъ. Человѣкъ видитъ несуществующіе передъ нимъ предметы такъ ясно и отчетливо, какъ дѣйствительные, слышитъ голоса тамъ, гдѣ никто не говоритъ, а самого себя почитаетъ лишь пассивнымъ зрителемъ всей этой фантазмагоріи*»). Наука представляетъ множество примѣровъ видѣнія духовъ, или привидѣній. Есть цѣлыя секты духовидцевъ, или мистиковъ. Между учеными были также духовидцы. Здѣсь можно указать на знаменитаго шведскаго ученаго Сведенборга и на Пиколани. Первый пріобрѣлъ даже цѣлую толпу послѣдователей, вѣрившихъ, что ихъ учитель точію имѣлъ сообщеніе съ міромъ духовъ. Второй много лѣтъ сряду видѣлъ во

*) Этюди. Шлейдена.

паматникѣхъ нашли изображеніе божества Пахта съ крестомъ въ рукахъ и съ солнечнымъ кругомъ надъ головой. (солнечное сіяніе (ареолъ) знакъ того, что Пахтъ было божество свѣтлое, доброе *). Индусы дѣлали изображеніе креста, въ основаніи котораго находился кругъ, на челѣ бога стадъ Поллеара и на бедрахъ рогатаго скота для того, чтобы предохранить его отъ нечистой силы, и чтобы онъ лучше плодился. Автоцы такой самый знакъ налепляли на лепешкахъ и блинахъ, приготовляемыхъ въ день поминковъ по усопшимъ. *Пинчуки* налепляютъ крестъ съ кружкомъ на свадебныхъ короваяхъ **). Малороссійское простонародье на Крещеніе чертитъ изображеніе креста на дверяхъ и окнахъ домовъ и на воротахъ хлѣбовъ для того, чтобы отогнать злыхъ духовъ, которые въ это время выѣзжаютъ изъ воды. У Великороссіянъ крестъ до сихъ поръ служитъ надежнѣйшимъ орудіемъ противъ нечистой силы. Ложась спать, они ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ и слѣдующимъ заклинаніемъ, въ которомъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей: *«Крестомъ крещусь, крестомъ огражусь, крестомъ ангела призываю, крестомъ врага (т. е. черта) отгоню. Будь проклятъ врагъ отъ имени Господня, отъ Духа Святаго. На церковь крестъ, на престолъ крестъ и на рабъ Божьемъ N крестъ ***)*.

Для объясненія почему именно крестъ, а не другой какой либо знакъ, служилъ у язычниковъ символомъ добраго божества и талисманомъ противъ нечистой силы, надобно обратиться къ народнымъ вѣрованіямъ самой ранней эпохи. Каждый народъ, въ извѣстный періодъ своего развитія, поклоняется свѣтиламъ, стихіямъ и небеснымъ явленіямъ. Солнце и луна въ этотъ періодъ почитаются главными божествами. Къ числу небесныхъ явленій принадлежать, между прочимъ, извѣстное явленіе креста около солнца или луны, объясняемое преломленіемъ свѣтоносныхъ лучей. Этъ крестъ бываетъ, какъ мы сейчасъ сказали, всегда около луны или солнца. Вотъ почему онъ почитается за символъ добрыхъ и свѣтлыхъ божествъ, какими признаются всегда солнце и луна ***).

*) Всемирная Исторія Г. Вебера. Пер. Игнатовича и Зуева. Спб. 1860 г. стр. 175.

**) Lud Ukrainski. Nowosielskiego. 1857 г. кн. 1 56 стр. и др.

***). Записано въ Архангельской губерніи.

*) Моя рукописная статья: краткій историческій очеркъ восточно-славянско-й мнелогіи.

кругъ себя самыхъ разнообразныхъ духовъ, и хотя онъ вполне сознавалъ, что это зависѣло отъ обмановъ болѣзненно-возбужденныхъ его чувствъ, но не могъ всею сплою своей воли избавиться отъ видѣній *). Въ простомъ, необразованномъ классѣ народонаселенія, гдѣ вѣра въ духовъ развита—въ высшей степени, видѣнія привидѣній случаются гораздо чаще, нежели въ образованномъ сословіи.

Подобныя частыя видѣнія могли служить одной изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ образованію понятія о *духѣ*, какъ существѣ невидимомъ, но могущемъ принимать и реальныя формы. Вѣрованіе въ невидимыхъ духовъ опиралось на первыя наблюденія надъ газообразными веществами, которыхъ нельзя видѣть, но можно ощущать. На эту мысль наводятъ филологическія сближенія во многихъ языкахъ словъ, выражающихъ *воздухъ, процессъ дыханія и безтѣлесныхъ духовъ*. До сихъ поръ еще народъ иначе и не можетъ себѣ представить божества или духа, какъ подъ видомъ тонкой газообразной матеріи.

Лѣшій, какъ духъ злобный, боится креста, головни и пояса, и хватаетъ въ лѣсу тѣхъ, кто не имѣетъ этихъ предметовъ. *Крестъ и поясъ православному христіанину намотъ*, говорятъ крестьяне; *хорошему чловѣку безъ пояса негодиться спать*. Ясно, что: крестъ, головня и поясъ имѣютъ одинаковое священное значеніе въ глазахъ простонародья. Рождается вопросъ: почему это такъ?

Въ 16-мъ столѣтіи, въ эпоху завоеванія Мексики, на одномъ изъ вестъ-индскихъ острововъ, во дворцѣ языческаго храма, Испанцы неожиданно нашли крестъ, сложенный изъ камней и извести, вышиною около десяти пядей. Присутствіе креста на этомъ мѣстѣ разумѣется крайне удивило ихъ и внушило самыя несообразныя догадки не только безграмотнымъ солдатамъ 16-го столѣтія, но и, въ послѣдствіи времени, европейскимъ ученымъ, ломавшимъ себѣ голову надъ вопросомъ, какія племена могли ввести въ эти мѣста священный символъ христіанства. Позднѣйшія изысканія привели къ открытію любопытнаго факта, что крестъ былъ предметомъ религіознаго почитанія во многихъ странахъ стараго и новаго свѣта, въ которыя никогда не проникалъ свѣтъ Христова ученія **). Такъ въ Египтѣ на древнихъ

*) Этюды. Шлейдена. М. 1861 г. стр. 306.

**) Завоеваніе Мексики. В. Прескотта. Отеч. Зап. 1848—49 г. стр. 131.

твѣрдить и филологіей. Слово *крестъ* происходитъ отъ общеславянскаго слова *крестъ*, которое означаетъ огонь, свѣтъ. Следовательно, крестъ можно перевести такъ: огневикъ, свѣтовикъ. Всѣ небесныя явленія: кометы, болиды и т. д. и между ними крестъ, понимались язычниками какъ отложенія небеснаго огня (отложенія суть небесна огня *).

Поясъ считался священнымъ предметомъ и талисманомъ противъ нечистой силы у многихъ народовъ. Въ примѣръ приведемъ Персовъ и Японцевъ. Персы совершали обрядъ опоясыванія надъ пятнадцатилѣтними мальчиками, при церемоніяхъ всякаго рода и очищеніяхъ. Поясъ былъ одинаковъ для всѣхъ сословій; онъ не снимался ни днемъ, ни ночью и почитался вѣрнѣйшею защитою противъ власти *Дэвоовъ* (дьяволовъ **). Японцы надѣваютъ поясъ на мальчика на третій годъ его жизни съ религіозными обрядами и при этомъ учатъ ребенка первымъ молитвамъ ***) Какъ Персы, такъ и Индусы принимались въ племенное религіозное общество посредствомъ пояса.

Головни у многихъ народовъ имѣетъ такую же силу, какъ и поясъ. Малороссіяне, какъ и Великороссіяне, прогоняютъ ею дѣшихъ. Въ Германіи носили по полямъ головни и факелы въ канунъ Ивана Предтечи, (24 Іюня) для отогнанія драконовъ. Древніе Скандинавы въ этотъ день прыгали черезъ огонь и, по окончаніи обряда, брали оставшіяся головни домой, для предохраненія своихъ домовъ отъ нечистыхъ духовъ, отъ болѣзней и отъ другихъ несчастій. Тоже самое дѣлали Англичане и другіе народы****). Огонь прогоняетъ мракъ и тьму. Вотъ почему зажженные головни прогоняли нечистыхъ духовъ, которые суть ни что иное какъ персонификація темноты и мрака.

Въ одномъ разсказѣ мы сообщили, что пастухъ завѣщалъ своему пріемнику палку, съ которой онъ долженъ былъ пасти коровъ. Пастушеская палка у язычниковъ имѣетъ священное значеніе. У Грековъ она служила талисманомъ противъ злыхъ духовъ. У Египтянъ прототиномъ закривленной пастушеской

*) Мол рукописная статья: краткій историческій очеркъ восточно-славянской мифологіи.

**) Всемирная исторія. Г. Вебера. стр. 468.

***) Японія и Японцы. Е. Корша. Соврем. 1852 г. № 9 стр. 21.

****) Лѣтніе потѣшныя огни. Совр. 1861 г. № 6, 148 и 152.

палки считалась стопа Озириса *). Литовцы выгоняли въ первый разъ скоть на поле священною палкою, на рукояткѣ которой было изображеніе Гонгилуса, бога сталъ и покровителя ихъ отъ волковъ. При выгонѣ, они повторяли слова: Гонило береги **)! У Сорабовъ по деревнямъ обносили отъ одной избы къ другой палку, на которой сдѣлана была рука, держащая желѣзное кольцо; тотъ кто обносилъ ее, вмѣстѣ съ пастухомъ села, входя въ избу, приговаривалъ: береги Генниль, береги ***)! Жоржъ Зандъ сообщаетъ французскій разсказъ о чудесной палкѣ пастуха, которая караулила его свиней въ продолженіи трехъ дней в трехъ ночей отъ волковъ и людей ****).

Послѣ оффиціального паденія язычества на Русѣ, древнія вѣрованія продолжаютъ жить между народомъ, нѣсколько измѣняя свой прежній характеръ. Въ теченіи христіанской эпохи къ древнимъ языческимъ понятіямъ присоединяются и христіанскія вѣрованія. Добрыя языческія божества, то получаютъ характеръ злобныхъ духовъ, то мѣняются своими свойствами и занятиями: свойства одного божества приписываются другому и т. д.; нѣкоторыя черты божествъ во все стираются. Для того, чтобы съ точностью возстановить первоначальный характеръ какого нибудь языческаго божества Славянъ, не обходимо сравнить его съ соотвѣтствующими божествами другихъ народовъ. Для такого изслѣдованія надъ Лѣшнимъ, мы не имѣемъ необходимыхъ источниковъ; а потому ограничимся только тѣмъ, что укажемъ къ какимъ языческимъ божествамъ соприкасается Лѣшій по своему характеру и чертамъ.

Возьмемъ одну изъ особенностей Лѣшнихъ—воровать дѣтей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣверной и Южной Россіи народъ тоже самое свойство приписываетъ чертямъ, и *бабамъ-ямамъ*. Уворовавши младенца, чортъ вмѣсто него кладетъ или свое дитя, или снопъ содомы, или полѣно, которые превращаются потомъ въ уродливыхъ лѣтей. Дѣти, обмѣненные чертями, называются *Обмѣльниками* ****), или *Обмѣльниками* (въ Архан. губ.), *стѣ-*

*) Lud Ukrainski. Ч 1-я стр. 307.

**) Славянская мифологія Костомарова, Кіевъ. 1846 г.

***) Polska wieku srednich. j. Lelewela. 1855 г. Т. 1-й.

****) Ночныя видѣнія въ деревняхъ. Совр. 1852 г. № 1 стр. 81.

*****) Обмѣльниками называются въ Архангельской губерніи дѣти и даже довольно взрослые съ какии либо физическими или нравственными недостатками. Это замѣчаніе сдѣлано Членомъ Комитета Г. Михайловымъ. Пр. Ред.

дунами (Пермск. губ.) и Кикиморами (въ друг. губ.), у Малорос-
сиянъ Обліною, или Видміною. Обмѣнныи имѣютъ большую
голову, длинныя руки и ноги; они не могутъ ни ходить, ни го-
ворить. Ясно, что этимъ повѣрьемъ народъ объясняетъ причи-
ну болѣзни, извѣстной подъ названіемъ *англійской*. По другимъ
повѣрьямъ дѣтей обмѣниваетъ Баба-яга. У Литовцевъ воруетъ
младенцевъ Лаума, богиня счастья и разрѣшительница родовъ *).
Повѣрье объ обмѣнѣ дѣтей злыми духами сильно распростране-
но между кельтическими (въ Бретаніи, Ирландіи и на островѣ
Манѣ) и германскими племенами **). У Западныхъ Славянъ обмѣ-
ниваютъ дѣтей *дикія жєницкы*. (Дивожены) ***); у Скандинавовъ
Вєльвы (*вѣщій жєны*, предсказывавшія судьбу новорожденныхъ)
у Нѣмцевъ *Фрау Берте* и *Фрау Гольде*.

Лѣшачиха, по нѣкоторымъ главнымъ своимъ чертамъ, весьма
сходна съ Бабой-Ягой: та и другая живетъ въ лѣсу, въ лѣсной
избушкѣ; обѣ имѣютъ чрезвычайно длинныя груди и обѣ во-
рують дѣтей. Изъ этого можно заключать о тождествѣ въ язы-
ческую эпоху Лѣшачихи съ Бабой-Ягой, божествомъ полудоб-
рымъ, полужлымъ. Самъ Лѣшій соприкасается то со злымъ бо-
жествомъ, то съ добрымъ. Лѣшій носится въ видѣ вихря: это
свойство злаго божества *Чернобѣга*; онъ покровительствуетъ—
пастухамъ и стадамъ; пасетъ послѣднихъ и оберегаетъ ихъ отъ
волковъ: это обязанность Волоса «скотья бога».

Изъ сказаннаго видно, какъ трудно возстановить первона-
чальный характеръ Лѣшаго, какимъ онъ былъ въ эпоху языче-
ства. Впрочемъ можетъ быть и во время язычества характеръ
Лѣшаго не былъ ясно опредѣленъ и дѣятельность его не была
рѣзко разграничена отъ дѣятельности другихъ боговъ. Объ
этомъ можно судить по аналогіи. У Римлянъ, на примѣръ, богъ
лѣсовъ, Сильванъ (отъ *silva*—лѣсъ) почитался также покровите-
лемъ пастуховъ и стадъ. Рядомъ съ нимъ существовали боже-
ства Панъ, Палесса и Аполлонъ, которые также покровитель-
ствовали стадамъ. Всѣ эти четыре божества имѣли характеръ
добрый и кроткій ****). Финскій богъ лѣсовъ *Tanio* имѣетъ такой

*) Литовское племя. Костомарова. Русск. Слово. 1866 г. № 5.

**) Lud Ukrainski. Ч 1-я стр. 49.

***) Erheiterungen. Лейпцигскій журналъ. 1861 г. № 22. Die Gebirgs-
bewohner in Galizien.

****) Les mythologies de tous les peuples. Par Bernard. Paris. 1860 г.
стр. 81, 83 и 101.

же характеръ, почему и называется «добрый Тапю». Можетъ быть и русскій Лѣшій въ эпоху язычества былъ характера кроткаго и уже подъ вліяніемъ христіанства сдѣлался злобнымъ духомъ; по крайней мѣрѣ малороссійскій Лисунъ не имѣетъ въ себѣ ничего злаго.

Изъ обрядовъ въ честь Лѣшаго, мы можемъ указать только на два. Если Лѣшій возьметъ къ себѣ ребенка или лошадь, тогда бросаютъ ему въ лѣсъ подарокъ, — нѣсколько зеренъ, кусокъ шелку, серебро и все это завернутое въ тряпку. Надо бросать подарокъ себѣ за спину, чтобы не увидѣть Лѣшаго, который придетъ за нимъ съ бурей и облакомъ*). Очевидно этотъ обрядъ есть остатокъ языческаго жертвоприношенія. Такое же значеніе имѣетъ и отдаванія яйца и *одно-шерстной* скотныи Лѣшему.

Лѣшій гналъ всѣхъ лѣсныхъ звѣрей и птицъ на войну. Передъ битвой они подымали страшный крикъ, прося себѣ добычи у своего пастыря. Этотъ крикъ служилъ для нашихъ предковъ предзнаменованіемъ кровавой битвы и пораженія. Такими вѣрованіями проникнуты всѣ наши древнія описанія битвъ; на примѣръ въ словѣ о Иолку Игоревѣ, въ повѣствованіи о Мамаевомъ побойщѣ и проч.

Вотъ описаніе выступленія Князя Игоря въ несчастный для него походъ противъ Цоловцевъ. «Солнце ему тьмою путь заступаше;нощъ, стонуши, ему грозою птицъ убуди;—*свистъ звѣринъ въ стазбѣ; дивъ кличетъ врѣху древа*». Игорь къ Дону вой ведеть: «*уже бо отды его пасетъ птицъ; подобію влѣщи въ срожатъ по лрусамъ орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ, лисицы брешутъ на чрѣленія щиты*» и проч. Еще яснѣе вѣрованія эти высказываются въ описаніи Куликовской битвы. Дмитрій Волинѣцъ говоритъ Великому Князю: «повѣмъ, тебѣ княже, *прилиту свою искусиую; уже бо долго нощи вечерняя зоря потухла*» Князь же великій подмъ съ собою брата Володимера и Литовскіе князи едины, и выѣхаша на поле Куликово. И ставъ посреди обонхъ полковъ, и обратися на полкъ Татарскій... И бысть назади ихъ *грозою волци воюще*. По десной же по странѣ *ворони кличють; и бышь гласъ великъ птицъ. Вранове же игра-*

*) Библ. для чтен. 1863 г. № 1. Разсказъ Челышева. Жигари.

ютъ по рецѣ той по Непрядвѣ; гуси и лебеди непрестанно крыль плещуце, не обычную грозу подаютъ. И рече Вольнецъ: слышасте ли сія? Обратитесь на полкъ Русскій. И бысть тихость велика, токмо огневе мнози и заря, сипмахуся».

Изъ того обстоятельства, что волки были и птицы кричали со стороны стана Монгольскаго, Дмитрій Вольнецъ вывелъ заключеніе, что битва будетъ кровавая, но что побѣда останется на сторонѣ Русскихъ.

П. Ефименко.

II. ДОМОВОЙ.

О *Домовомъ* написано множество статей; по этому мы не станемъ распространяться о немъ, а скажемъ вкратцѣ объ отличительныхъ чертахъ Домоваго и потомъ постараемся объяснить происхожденіе понятія о немъ.

Домоваго представляютъ въ видѣ лысаго старичка не большаго роста, въ красной рубашкѣ. Въ Пермской губерніи думаютъ, что Домовой ходитъ въ образѣ хозяина дома. Живетъ онъ въ какомъ нибудь уютномъ мѣстѣ дома: въ голбцѣ, или въ подпольѣ, или за печкой. Нѣтъ дома безъ Домоваго. Онъ оберегаетъ хозяевъ отъ несчастій и бдительно наблюдаетъ за хозяйствомъ *).

Домой даетъ знать о какомъ нибудь счастливомъ или несчастномъ приключеніи тѣмъ, что давитъ кого нибудь изъ семейства во время ночнаго сна. Если кто желаетъ знать къ чему онъ давитъ, тотъ долженъ спросить его: къ добру ли, или къ худу. Онъ всегда даетъ положительный или отрицательный отвѣтъ. Домовой смотритъ за хозяйскимъ скотомъ, но только за такимъ, который имѣетъ любимый имъ цвѣтъ шерсти. О такомъ животномъ говорятъ, что оно *пришло по двору*. У такого животного всегда здоровый вилъ, шерсть всегда приглажена, стойло въ порядкѣ и чистотѣ. Скотина *не по двору* скоро чахнетъ и умираетъ.

Для того, чтобы войти въ сношенія съ Домовымъ надобно ему, какъ и Лѣшему, подарить первое яйцо, полученное отъ попа въ первый день Пасхи. Передача яйца происходитъ передъ отворенною дверью хлѣва. Домовой явится въ образѣ того человека, который вызываетъ его. Здѣсь заключается договоръ: домовой обязуется во всемъ помогать крестьянину, а этотъ послѣдній обязанъ держать въ секретѣ ихъ свиданіе и

*) Домовой будитъ ночью хозяина дома, въ случаѣ пожара въ домѣ. Это замѣчаніе сдѣлалъ Г. Михайловымъ. Прям. Ред.

знакомство. Если же крестьянинъ не сдержитъ слова и проболтается, тогда все его хозяйство разстроится, и онъ съ отчаянія самъ наложитъ на себя руку ¹⁾).

Выстроивши и освятивши домъ, переселяются въ него слѣдующимъ образомъ: кто нибудь изъ домашнихъ вноситъ въ домъ какое либо животное: кошку, собаку, чаще всего пѣтуха или курицу. Принесши въ домъ, спускаютъ его на полъ и, обращаясь къ домовому, произносятъ слова: *вотъ тебѣ хозяинъ мохнатый зверь на богатый дворъ!* За тѣмъ кто нибудь идетъ съ хлѣбомъ и солью, а позади несутъ растворенную квашню и муку.

Теперь слѣдуетъ указать, какъ родилось и развилось понятіе о Домовомъ.

Въ отдаленныя времена язычества однимъ изъ благотворныхъ божествъ считался, между прочемъ, огонь. Когда Славяне перешли отъ кочевой жизни къ осѣдой и обзавелись постоянными жилищами, тогда обожаніе отъ огня вообще перешло преимущественно на огонь домашній, а потомъ и на самый очагъ. Оба послѣднія понятія дѣйствительно слились въ одно представленіе семейнаго пената, охраняющаго обиліе дома, спокойствіе и счастье семьи. Русская загадка: *мать толста, дочь красна, сынъ храберъ, подъ небеса ушолъ*, означающая печь, огонь и дымъ—всѣ эти понятія представляетъ въ семейной связи.

Очагъ, какъ элементъ жизни, былъ самымъ священнымъ символомъ у всѣхъ почти народовъ Индо-Европейскаго племени. У Римлянъ ставили его посреди избы; вѣчный огонь горѣлъ на немъ. Очагъ былъ алтаремъ, котораго никто не смѣлъ осквернить; около него сосредоточивалась семейная религія, жрецомъ который былъ хозяинъ дома; отъ туда не могли взять его даже служители закона; здѣсь преслѣдуемые просили у хозяина милости и защиты; здѣсь онъ обязывался сдержать свое обѣщаніе. Пища, приготовленная на очагъ и возлѣ него съѣденная, была символомъ любви и согласія, религіознымъ актомъ. Государственная религія имѣла свой очагъ въ святилищѣ Весты. Такое уваженіе распространилось далеко на сѣверъ; у Шведовъ

¹⁾ Подробности объ этомъ можно найти въ Отечест. Зап. 1848 г. № 4 стр. 132 и въ Карманной Книжкѣ для любителей землѣвѣдѣнія, изданной въ 1848 г. Рус. Геогр. Общ. стр. 312.

народъ становился на колѣни передъ Ugniol (отъ ogn—печь); въ нѣмецкихъ повѣстьяхъ часто встрѣчается обычай поклоненія печи, обоготворенія ея. Преслѣдуемые жалуются печи, неповѣдываютъ передъ ней въ своихъ тайнахъ, которыхъ никому другому не могутъ объявить. Одинъ путешественникъ, ограбленный на дорогѣ, обѣщавшійся грабителямъ никому объ этомъ не объявлять, рассказалъ о своемъ несчастіи печи ²⁾. Славяне также обожали очагъ. У Сербовъ есть поговорка: *кто не видалъ церкви, тотъ и печи молится*. Малороссіане называютъ очагъ матерью: *пичъ мати*. Очагъ въ глазахъ язычника освятилъ всю избу. Большой или меньшій почетъ къ различнымъ частямъ и принадлежностямъ избы зависѣлъ отъ большей или меньшей ихъ связи съ этимъ пенатомъ. Отъ очага религіозный характеръ перешелъ на все жилище, въ стѣнахъ котораго возжигался обожествленный огонь. Обожаніе домашнего огня еще болѣе усилилось, когда подъ видомъ его стали представлять души предковъ ³⁾.

При дальнѣйшемъ развитіи язычества, когда началось олицетвореніе стихій и священныхъ предметовъ, очагъ явился въ образѣ *лысаго дѣдушки домового*. Самыя эти названія и имена; *дѣдо*, *хозяинушко* показываютъ, что Домовой есть пенатъ, охранитель дома, какимъ первоначально почитался очагъ.

На Домового были перенесены всѣ благотворныя понятія, соединяемыя съ очагомъ, и всѣ качества, заботливаго хозяина, какимъ былъ глава семьи. Вотъ почему Домовой оберегаетъ хозяевъ отъ несчастій, бдительно смотритъ за домашнимъ порядкомъ, за хозяйствомъ и за скотомъ; предъувѣдомляетъ о будущемъ несчастіи и бѣдѣ.

У Римлянъ души предковъ обоготворялись подъ именемъ Мановъ (*manes*—тѣни). Онѣ одного происхожденія съ нашимъ Домовымъ.

Въ Шотландіи Домовой называется *Бровнею*; онъ живетъ у каминна; онъ бережетъ хлѣвы и погреба, подметаетъ избы, вы-

²⁾ Lud Ukrainski. 1857 г. Т. 1 стр. 166—168.

³⁾ Религіозно-языческое значеніе избы Славянина, Афанасьева. Отеч. Звѣст. 1851 г. Іюнь.

нимаетъ мухъ изъ сметаны, отгоняетъ оводовъ отъ агнать и расплетаетъ руна у овецъ. Словомъ, Бровня такой же хозяинъ въ домѣ, какъ и Домовой ⁴⁾).

У Шведовъ домой извѣстенъ подъ именемъ Mara, у Нѣмцевъ Hausmann, Poltergeist, Kobold, у Англичанъ Hobgoblin, у Французовъ le lutin, fursadet, у Литовцевъ Siemī dewas, Koboli, у Финновъ rajnajainen, т. е. гнетущій, давящій; онъ ходитъ въ видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающій собою всю комнату; онъ наваливается на спящаго и давитъ грудь его такъ, что тотъ не можетъ поворотиться ⁵⁾).

Въ Болгаріи существуетъ повѣрье, что ни одно большое строеніе не можетъ держаться безъ *Таласама*. Таласамомъ (домовой) тамъ называется призракъ умершаго человѣка, съ роста или тѣни котораго снята мѣрка архитекторомъ, при закладкѣ строенія. Мѣрку снимаютъ обыкновенно съ когонибудь изъ проходящихъ, разумѣется такъ, чтобы тотъ не замѣтилъ. Снявши мѣрку, закладываютъ ее въ фундаментъ дома. Измѣренный человѣкъ умираетъ черезъ 40 дней и является въ разныхъ видахъ съ 8^{ми} часовъ по полудни до 3^{хъ} по полуночи. Если нельзя измѣрить человѣка, то мѣряютъ животное, которое потомъ убиваютъ ⁶⁾).

Въ Малороссіи думаютъ, что плотники всегда закладываютъ домъ *на чьюнибудь голову*, т. е. что ктонибудь изъ семейства, переселяющагося въ новый домъ, долженъ въ немъ умереть. Во внутреннихъ губерніяхъ Вѣлпкой Россіи отрубиваютъ голову у пѣтуха и зарываютъ ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ опредѣляется быть переднему углу. Этотъ обычай и обыкновеніе приносятъ въ избу кошку, пѣтуха и проч., явно свидѣтельствуетъ о жертвоприношеніи Домовому. Въ Архангельской губерніи говорятъ, что если не принести животнаго въ даръ Домовому, то тотъ, кто первый вступить въ новоотстроенный домъ непременно умереть.

Мы полагаемъ, что болгарскій и русскій обычай закладывать домъ на чьюнибудь голову свидѣтельствуетъ о древнемъ обыкно-

⁴⁾ Lud Ykraiski. Т. 1 стр. 75.

⁵⁾ Русскіе простонар. праздники. Выпускъ 1 стр. 91 и др.

⁶⁾ Болгарскія повѣрья. Ж. М. Н. П. 1846 г. кн. 12 стр. 204.

неніи приносить въ жертву живыхъ людей при постройкѣ перваго дома новаго селенія для того, чтобы на ихъ голову отвести все несчастья, угрожающія будущему населенію деревни. Объ этомъ до сихъ поръ существуетъ преданіе у народа ⁷⁾).

П. Ефименко.

⁷⁾ Lud Ukr. Т. 1 стр. 157.

^{*)} Въ Архангельской губерніи если и было когда жертвоприношеніе, то объ этомъ народъ забылъ. Въ новый домъ обыкновенно вносятъ пѣтуха въ видахъ гаданія. Если пѣтухъ пойдетъ въ большой уголъ и будетъ свободно расхаживать по избѣ—это добрый. Если же устремится назадъ—это худо—кто нибудь скоро умретъ и жизнь будетъ несчастна. Замѣчаніе это принадлежитъ Члену Комитета Г. Михайлову. Пр. Ред.

III. БАБА—ЯГА.

Между всѣмъ мнѣніескими существами нашего народа, Баба-яга менѣе всего обращала на себя вниманіе мифологовъ. Кажется нѣтъ ни одной ученой статьи исключительно посвященной ей. Это заставляетъ насъ составить о ней возможно полное исследование.

Память о «*Бабь-ягъ—костяной-ногъ*» живѣе всего сохранилась въ сказкахъ. По словамъ ихъ, она живетъ въ лѣсу, въ лѣсныхъ избушкахъ, построенныхъ «*на куриной ножкѣ—на пѣтушьей головкѣ*» и постоянно поворачивающихся, по приказанію хозяйки или какого нибудь богатыря. Заборъ вокругъ ея избушки сдѣланъ изъ человѣческихъ костей; на заборѣ торчатъ людскіе черепа сосвѣтящимися глазами; вмѣсто вѣрей у воротъ служатъ ноги человѣчи, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ острыми зубами. Баба-яга выѣзжаетъ изъ своего жилища на свѣтъ божій (*въ Русь*, какъ говорятъ сказки) въ желѣзной ступѣ и съ желѣзнымъ же пестомъ въ рукѣ, а иногда съ метлой, которою она замечаетъ свои слѣды^{*)}). Когда она ѣдетъ, слышится страшный шумъ въ лѣсу: деревья трещать, сухіе листья хрустять и т. п. Бабу-ягу, какъ самое имя ея показываетъ, представляютъ въ видѣ старой безобразной женщины; груди у нея столь велики, что она принуждена «*сосить*» (кормить грудью) *робятъ черезъ грядку* (шесть въ избѣ)^{*)}. Одно изъ занятій ея—воровство дѣтей и взрослыхъ, которыхъ она пожираетъ. Впрочемъ, иногда ей придаются добрыя качества; такъ она кормитъ-поитъ какого нибудь богатыря, забревшаго къ ней въ избушку, и даетъ ему благой совѣтъ, какъ побѣдить своихъ враговъ и достигнуть цѣли странствованія.

Малороссіане, въ своихъ сказкахъ, рисуютъ «Бабу-ягу костяну ногу» такими же мрачными красками, какъ и Великороссіане. Она у нихъ иногда называется бабой-Афимьей (*баба-Хыма*); это имя очень хорошо извѣстно нечистой силѣ; оно на-

^{*)} Въ числѣ атрибутовъ бабы-яги—помело. Зам. Г. Михайлова. Пр. Ред.

водити страхъ и ужасъ на все царство сатаны; чтобы отдѣлаться отъ нея, черти безусловно соглашаются исполнить всѣ ея приказанія. Малороссійскія пословицы вводятъ ея въ родство съ нечистой силой (баба да чортъ, то собі рідня), именно считаютъ ее матерью или бабушкой чертей (біда біду породила, а біду-чертова маты). Она живетъ въ аду (баба зъ пекла родомъ; баба сімъ миль зъ за пекла); отъ туда она выходитъ въ свѣтъ для исполненія какихъ либо особенно важныхъ и трудныхъ порученій своего сына, сатаны (де дідько не зможе, туды бабу пошле); ею пугаютъ дѣтей: баба возьметъ въ мѣшокъ (баба візьме въ торбу).

У Бѣлоруссовъ «Баба-яга—касяная нага» имѣетъ еще болѣе злобный характеръ, нежели у Малоруссовъ. У нихъ, она разлѣзжаетъ въ желѣзной ступѣ, везомой воздушными силами, и погоняетъ ихъ огненно-горящею метлою. Когда Баба-яга ѣдетъ—земля стоцетъ, вѣтры свищутъ, звѣри воютъ, домашній скотъ прячется въ хлѣвы, самые черти, везущіе ступу, страшно ревутъ;—такъ что еще до ея появленія страшные признаки предвѣщаютъ ея приближеніе. Баба-яга прѣзжаетъ на землю, для того, чтобы запасти челоуѣческимъ мясомъ, которымъ она питается. Принявши на себя видъ старухи, она является въ домъ какого нибудь семьянина и, при помощи разныхъ уловокъ, похищаетъ у него дѣтей. Баба-яга принимаетъ души умершихъ людей отъ Паляндры (богиня смерти), съ которою она находится въ большой дружбѣ и вмѣстѣ разлѣзжаетъ въ одной нѣгѣ; она питается дуцами усопшихъ людей ¹⁾).

Поляки говорятъ о Бабѣ-ягѣ: *gdzie diabet niezmoze, tam babe poszle*. Баба-яга у нихъ называется *Strzyga*. *Стшыга* беспокоитъ беременныхъ женщинъ и дѣлаетъ имъ всякаго рода непріятности; напримѣръ, мѣняетъ младенцевъ: беретъ спокойныхъ, красивыхъ и полныхъ, а приноситъ крикливыхъ, худыхъ и блѣдныхъ; современемъ она возвращаетъ младенца, но тогда уже, когда онъ дѣлается совершенно подобнымъ подброшенному. Уворовавши дитя, *Стшыга* часто сѣчетъ его, на томъ мѣстѣ, гдѣ собирается соръ, передъ глазами его матери, чтобы та, блѣдая, знала объ этомъ и слышала крикъ своего дитяти. Женщины, видѣвшія *Стшыгу*, увѣряютъ, что она бѣгаетъ по вечерамъ изъ одного двора въ другой; она высока ростомъ, худая, блѣдная; глаза имѣетъ впалые ²⁾).

¹⁾ Бѣлорус. народ. преданіе. Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. кн. 1-я стр. 19.

²⁾ *Lud Polski, przez Golebiowskiego. стр. 155.*

Карпатскіе Гуралы знаютъ мнѣическое существо, соотвѣтствующее польской Стшигѣ; это *Дзивожины*, т. е. дикія женщины; видъ у нихъ дикій и нравъ злой; волосы у нихъ, какъ у чурій, развѣваются свободно по воздуху, все тѣло ихъ покрыто густыми волосами, груди столь велики, что онѣ носятъ ихъ на плечахъ и употребляютъ вмѣсто пралыниковъ. Гуралы очень боятся Дзивожонъ, потому что онѣ занимаются кражею и обмѣномъ дѣтей; вмѣсто уворованныхъ младенцевъ, онѣ кладутъ собственныхъ безпокойныхъ, безобразныхъ и крикливыхъ уродовъ. Однако есть средство возвратить похищеннаго ребенка: стоитъ только матери взять обмѣнника, сѣчь его березовыми розгами и приговаривать: «возьми себѣ свое, принеси мнѣ мое.» Плачъ и крикъ ребенка возбуждаетъ жалость въ Дзивожонѣ и заставляетъ ее размѣняться дѣтми³⁾.

Гейне говоритъ, что, по народнымъ нѣмецкимъ преданіямъ, Бабушка чорта появляется иногда въ нашъ міръ, съ цѣлью исполнить различныя порученія своего сына, отсюда, по его мнѣнію, произошла поговорка: *Wo der Teufel selbst nichts ausrichten kann, da schickt er seine Grossmutter.* Постояннымъ мѣстопробываніемъ чортовой бабушки служитъ адъ; тамъ она занимается приготовленіемъ пищи для своего возлюбленнаго сына. Чертова бабушка Нѣмцевъ и наша Баба-яга тождественны⁴⁾.

Славянскую Бабу-ягу одни считаютъ богиней ада, другіе божествомъ войны, третьи—какимъ-то мелкимъ демоническимъ существомъ. Для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ сравнить ее съ языческими богинями другихъ народовъ и потомъ уже сдѣлать свое заключеніе.

Въ средневѣковой германской демонологіи были извѣстными мнѣическія существа совершенно сходныя, по своему характеру, со славянской Бабой-ягой. Это такъ называемыя *Frau Berthe* и *Frau Holde*, которыя выкрадывали, обмѣнивали и устрашали дѣтей. Онѣ вошли въ область демонологіи изъ языческой германской мифологіи; въ нихъ ученые видятъ божество земли, Гертю.

Земля во всѣхъ мифологіяхъ олицетворяется въ видѣ женщины. Китайцы обоготворяютъ ее подъ именемъ Ге—у—ту, т. е.

³⁾ *Erheiterungen* 1861 г. № 22. *Die Gebirgswohner in Galizien.* Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie, zebrał i, Siemiński str. 120.

⁴⁾ *De l'Albmanie, par H. Heine. Paris . 1855. T. 2. p. 109.*

— 1

царицы земли и поручаютъ въ ея завѣдываніе гробы ⁵⁾. У Литовцевъ она называлась *Zemmes mati* (мать земля); и помѣщалась въ срединѣ земли ⁶⁾. Греки придавали ей такое же названіе (Ге-Метеръ). Впрочемъ, ее можно видѣть также въ другихъ греческихъ божествахъ: и въ Герѣ, матери боговъ, и въ Лато-нѣ, матери свѣта — Аполлона, и на конецъ въ Артемидѣ. Въ особенности замѣчательна Артемида Эфесская, представлявшаяся, подобно лидійской Астартѣ, въ формѣ женщины со множествомъ сосцовъ и символизировавшая плодородіе земли ⁷⁾. У Римлянъ она обоготворялась подъ именами Тителы (грязь, земля), Рея (земля) *Mater Tellus* (мать земля). Они часто смѣшивали ее съ Діаною, Церерою, Прозерпиною, Цибелою и Юноною. Ее почитали здѣсь то какъ доброе божество (*dea bona*), мать боговъ и людей, потому что она изъ земли произрождаетъ всѣ вещи, то злою, такъ какъ она во время зимы скрываетъ въ себѣ сѣмена растений. Въ образѣ Юноны она признавалась помощницей при родахъ и представлялась въ такомъ случаѣ въ видѣ повивальной бабки съ младенцемъ на рукахъ. Въ индійской мифологіи ей соотвѣтствуетъ богиня *Бхавани*, или *Бхадра-кали* т. е. бѣлая и черная, добрая и злая, начало жизни и смерти. Бхавани была покровительницей родильницъ; дѣвушки у нея вымаливали мужей, а неплодныя женщины дѣтей ⁸⁾. Во всѣхъ почти мифологіяхъ земля считалась женой неба и матерью всего существующаго: боговъ, людей, животныхъ, растений и неорганическаго царства. На такую идею навело то обстоятельство, что весной изъ ея нѣдръ выходятъ растенія, животныя, предающіеся зимней спячкѣ и насѣкомыя; она, по понятію язычниковъ, будто бы разрѣшалась отъ бремени въ эту пору года. Состояніе земли лѣтомъ и зимой выражено въ мифѣ о Прозерпинѣ, пребывающей по шести мѣсяцевъ на землѣ и по шести подъ землею, въ аду; по этому Прозерпина божество доброе и въ тоже время адское.

Исслѣдователи славянской мифологіи полагаютъ, что у Славянъ богиня земли носила множество названій: Жива, Лада, Золотая Баба, Красопани и Зизилія, или Дзидзилія. Мы думаемъ, что она называлась еще Ніей, или Нивой. Ніа, или Нива соотвѣтствовала и Церерѣ (по словамъ Гвагнини), и Прозерпи-

^{5) 6)} Lud Ukrain. Т. 1 стр. 46—48.

⁷⁾ Полисизмъ древнихъ Грековъ. Ю. База. 1855. стр. 85.

⁸⁾ Lud Ukr. Т. 1 стр. 47.

нѣ (по свидѣтельству Стшаньскаго) и наконецъ Плутону (по Длугошу ⁹⁾). Замѣчательно, что богиня земли какъ у славянъ, такъ и у Индусовъ, Римлянъ и другихъ народовъ изображалась въ видѣ женщины, держащей на рукахъ младенца. Въ этомъ младенцѣ мѣологи видятъ воплощеніе божества свѣта и добра ¹⁰⁾.

Малороссіане до сихъ поръ олицетворяютъ землю въ образѣ женщины, называемой Татьяной (*Тытяна*) или просто *Матерью земли* и придаютъ ей эпитетъ геллкой: *лежить маты да ѿ великая*. Такой эпитетъ земли извѣстенъ былъ и Индусамъ: великая мать (*mahi matar*) и великая Бгавани (*mahi Bhavani*) ¹¹⁾.

Въ нашей Ягѣ-бабѣ нельзя не замѣтить чертъ приписываемыхъ богинѣ земли разными народами. Съ одной стороны она существо злое, демоническое, кровожадное, съ другой—доброе, божественное. Она живетъ въ аду, подобно китайской Ге—у—ту и индійской Кали, и питается душами умершихъ, какъ Кали питается человеческой кровью. Во власть Бабы-яги переходятъ души умершихъ; въ Китаѣ богиня земли завѣдываетъ гробами усопшихъ. Баба-яга воруетъ и обмѣниваетъ дѣтей; это же самое свойство приписывается Нѣмцами Frau Berthe и Frau Golde. Ее представляютъ съ большими грудями, что сходно съ представленіемъ Грековъ Артемиды Эфесской и индійской Астарты со множествомъ сосцовъ. Названіе Баба-яга по нашему мнѣнію, имѣетъ одно происхожденіе съ Бгавани Индусовъ. Съ теченіемъ времени, когда Баба-яга перешла изъ мѣологии въ народную демонологию, были придуманы новыя существа, на которыхъ перенесены свойства Бабы-яги; таковы, на примѣръ: Лѣвначихи, Ночницы, Полудницы и др. Собственно говоря, это только новыя названія той же Бабы-яги.

Богинямъ земли, какъ мы сказали, различные народы придаютъ свойства и добрыхъ и злыхъ существъ. Это потому что земля съ одной стороны принимаетъ въ свои недра тѣла умершихъ и какъ бы питается ими, съ другой она произраждаетъ хлѣбъ, травы, деревья и т. д., а потому почитается матерью—

⁹⁾ Czesce balwochwalcza Slawian i Polski, przez j. Lelewela. 1857 str. 20.

¹⁰⁾ Славян. мѣология. Н. Костомарова. 1847 стр. 30—33.

¹¹⁾ Essai de mythologie comparee, traduit de l'anglais de Max Müller. 1859 p. 54. Les mythologies de tous les peuples l. Bernard, 1860 p. 196.

кормилицей людей. Свойство воровать дѣтей изъ утробы матерей и обмѣнивать ихъ приписало было богинямъ земли отъ того, что они помогали женщинамъ при родахъ. Когда являлись уродливыя дѣти, тогда, чтобы объяснить причину ихъ уродливости, начали вѣрить, что ихъ обмѣниваетъ богиня земли, присутствующая при родахъ **).

П. Ефименко.

**) Вѣроятнѣе всего обмѣнъ дѣтей придуманъ самими матерями отъ стыда за уродливыхъ дѣтей. Оттуда происходятъ и богини воровки. Это замѣчаніе сдѣлано Членомъ Комитета Махайловымъ. Примѣч. Редак.

IV. ВОДЯНОЙ.

Водяной представляется въ образѣ мушны. Когда онъ ходитъ къ крестьянамъ въ гости, то его ни чѣмъ не отличить отъ обыкновеннаго человѣка; только по уходѣ его можно узнать присутствовалъ ли онъ въ домѣ или нѣтъ, потому что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, всегда оказывается вода. Жена *Водовика* имѣетъ очень длинныя волосы, которыя часто чешетъ большимъ гребнемъ, сидя на плотинѣ или на камнѣ. Выходъ ея изъ воды предвѣщаетъ утопленника. Объ утонувшемъ говорятъ, что его ухватилъ *Водяной*. *Водяной* и *Водяница* живутъ въ рѣкахъ. Они имѣютъ отца и мать, которые называются *Царемъ Морскимъ*, или *Царемъ Водяникомъ* и *Морскою Царицею* или *Царицею Водяницею*. *Царь Морской* и его жена обитаютъ на днѣ моря или на морскихъ островахъ, въ щеляхъ. Изъ былинны о *Садкѣ* видно, что въ случаѣ бури, для умиловленія бога водъ, бросали въ волны людей, по жребію. Ему приносили въ жертву также хлѣбъ съ солью, опускаая въ воду. *Садко* говоритъ:

«Не платилъ я Царю Морскому дани-пошлины,
Не опускавалъ въ синє море хвалынское хлѣба-соли!»
Морскія бури приписываются гнѣву или танцамъ божества:
«Расплисался Царь Морской:
А синє море всколебалось,
А и быстры рѣки разливались,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя....»

Въ Малороссіи богъ водъ называется *Царь-Сынько-Водяный*. Онъ живетъ въ хрустальномъ дворцѣ подъ водой или въ пещерахъ, между скалъ. Онъ, какъ и русскій *Водяникъ*, имѣетъ семейство: жену и дѣтей. *Сынько-Водяный* также хватаетъ людей и топитъ ихъ. Впрочемъ, онъ, если хочетъ, дѣлаетъ и добро людямъ, на примѣръ, нагоняетъ рыбу въ невода и пр. *Морскія* бури зависятъ отъ него же *). *Морской Царь* имѣетъ трид-

*) Основа. 1861 № 1. Стихизъ-рогъ, *Стороженка*, стр. 101—115.

цать лошадей. Это напоминает коней Посейдона, римскаго бога водъ. Малороссійская дума о Поповичѣ Алексѣѣ свидѣтельствуеъ, что въ древности и на югѣ Россіи приносили чело-вѣческія жертвы Водовику.

Вотъ все, что мы можемъ сказать о демонологіи жителей Архангельской губерніи. О злыхъ духахъ: *банномъ*, *гуменномъ* и пр., нечего говорить, такъ какъ они состоявляютъ позднѣйшее явленіе въ исторіи народныхъ вѣрованій и такъ какъ въ нихъ нельзя открыть ни какихъ чертъ языческихъ божествъ нашихъ предковъ Славянъ.

П. Ефименко.